

УДК 94(479)»18»

Лазарян С.С.*Пятигорский государственный лингвистический университет***НЕГЛАСНОЕ УЧАСТИЕ А. П. ЕРМОЛОВА В ДЕЛАХ КАВКАЗА
В ГОДЫ НАМЕСТИЧЕСТВА КНЯЗЯ М. С. ВОРОНЦОВА**

Аннотация. Статья посвящена кавказской биографии А.П. Ермолова. Волей обстоятельств он получил возможность продолжения участия в кавказских делах после своей отставки. В новом качестве негласного советника князя М.С. Воронцова, назначенного русским царем наместником на Кавказ, А.П. Ермолов оставался долгое время полезным своему отечеству. Князь Воронцов, вопреки воле Николая I, использовал знания и опыт А.П. Ермолова, который много способствовал усилиям кавказского наместника по инкорпорации Кавказа в состав Российской империи.

Ключевые слова: Кавказ, наместник царя, негласное участие, военно-политические задачи, инкорпорация, Российская империя.

S. Lazaryan*Pyatigorsk State Linguistic University***A.P. YERMOLOV'S PRIVATE PARTICIPATION IN THE CAUCASIAN
AFFAIRS DURING PRINCE M.S. VORONTSOV'S RULING**

Abstract. The article is devoted to the Caucasian period in the biography of A.P. Yermolov. By the will of circumstances he got an opportunity to take part in the Caucasian affairs after his retirement. As a private adviser of Prince M.S. Vorontsov, who was appointed viceroy to the Caucasus by the Russian Tsar, A.P. Yermolov was helpful to his Fatherland for a long time. In spite of the will of Nickolas I, Prince Vorontsov used skills and knowledge of A.P. Yermolov, who promoted Prince's efforts to incorporate Caucasus with the Russian empire.

Key words: the Caucasus, viceroy of the tsar, private participation, military-political tasks, incorporation, Russian empire.

Для генерал-лейтенанта А.П. Ермолова увольнение в марте 1827 г. с поста командующего Отдельным Кавказским корпусом означало карьерную и личностную катастрофу. Кавказ был для него местом реализации его предназначения, великой жизненной стезей. Будучи человеком весьма даровитым и с чрезвычайно развитым честолюбием, он понимал, что с вынужденной отставкой навсегда поте-

рял «возможность реализации самых смелых проектов» [3, с. 97], которые намеревался предпринимать, получив для этого разнообразные средства, и которые должны были стать апофеозом его жизни и славы.

Кавказ для генерала А.П. Ермолова, прошедшего многие превратности земного существования «с бедностью, неудачами молодости, арестом и ссылкой в Павловское время, тяжким началом военной карьеры, грозившим

превратить его в неудачника» [3, с. 101] при присущих ему незаурядных дарованиях, был олицетворением почти абсолютной Свободы и его страстного стремления реализоваться значительным человеком, славным героем и победителем не очень задававшейся первоначально Судьбы.

Генерал-лейтенанту А.П. Ермолову чрезвычайно неприятно было положение, при котором всё его более чем десятилетнее поприще в Кавказском крае (1816-1827 гг.) было поставлено под сомнение. Принципиально важным оказалось несогласие императора с его методами решения задач, существовавших в кавказских делах, а также невысказанное подозрение в его бонапартистских устремленностях [3, с. 102-106].

По мнению Я.А. Гордина, император Николай I явно не благоволил А.П. Ермолову, а особенно было неприятным то, что рядом с молодым императором стояли недруги генерала во главе с князем Васильчиковым [4, с. 526].

Часть генералов, близких к престолу, будучи соперниками славы А.П. Ермолова, уверили императора в недостаточной эффективности его системы, её медлительности в ту пору, когда возможны быстрые решения. Император также желал быстрых результатов, в то время как А.П. Ермолов не разделял взглядов императора.

Негативную роль в судьбе А.П. Ермолова сыграли несколько факторов, слившихся воедино и нанесших ему непоправимый удар. К ним следовало отнести: скоротечность успешной для России войны с Персией 1826-1828 гг., возможные наветы генерал-адъютанта И.Ф. Паскевича, репутация фрондера и тайного опасного ослушника, нетер-

пение императора, желавшего одним ударом покончить с затянувшейся войной с горцами, расширение масштабов которой также ставили в вину неуживчивому генералу [3, с. 100].

На взгляд Я.А. Гордина, глубоко разбиравшего отношения между генералами, И.Ф. Паскевич старался убедить Николая I в профессиональной несостоятельности А.П. Ермолова. «Он жаждал разрушить репутацию этого совершенно незаслуженно вознесенного человека» [4, с. 553].

Немало росту неприязни к себе способствовал и сам генерал А.П. Ермолов, который своим высокомерием только усилил изначальную неприязнь к себе со стороны И.Ф. Паскевича, и сознательно, из гордыни, довел её до откровенной ненависти.

По словам Я.А. Гордина, который ссылается на свидетельство Погодина, А.П. Ермолов в конфликте с И.Ф. Паскевичем, в котором он почувствовал своего возможного преемника, «шел напролом, как ему диктовали его яростное самолюбие и самооценка. Если бы он вел себя дипломатичнее, ситуация могла быть иной» [4, с. 553].

Как бы то ни было, в марте 1827 г. генерал-лейтенант А.П. Ермолов был заменен руководить кавказскими делами генерал-адъютантом И.Ф. Паскевичем, а император Николай I издал обидное для честолюбия отставленного генерала предписание «возвратиться в Россию и остаться в своих деревнях вплоть до моего повеления» [2, с. 298].

А.П. Ермолов подчинился предписанию императора. В мае 1827 г. он покинул Кавказ без прощания с армией. «Усмиритель» и «устроитель», «создатель нового Кавказа» [1, с. 151] был пе-

реполнен сарказмом и гневом, а также пониманием краха назначенного себе предназначения.

Генерал Ермолов считал такую развязку интриги вокруг своей персоны не только несправедливой и унижительной, «но и как драму историческую, не имея при этом возможности обставить эту драму соответствующими декорациями» [4, с.561]

В России отставному генералу А.П. Ермолову было скучно. После десяти лет напряженных трудов ему требовалось большое усилие воли, чтобы выдерживать годы бездействия в возрасте силы и многоопытности. Громкое его имя, воспетое А.С. Пушкиным [9, с. 97], приказано было забыть и не упоминать вовсе. Все его существо противилось обстоятельствам. Не остывало честолюбие. Он был «здоров так, как бывал двадцать лет назад» [4, с. 574]. Не было ни покоя, ни смирения. Были обида и не проходившая горечь. Оставалась, однако, только призрачная надежда на перемену участи, по мере нарастания неудач в делах, которые претерпевали один за другим его заместители в Кавказском крае.

Обстоятельствам все же было угодно, чтобы отставной генерал А.П. Ермолов, вопреки высочайшему наказанию и даже помимо его собственной воли, продолжал жить делами Кавказа. Бывшие его сослуживцы, товарищи по оружию и прежней громкой славе, не оставляли его своим вниманием: писали к нему письма, посещали его новый приют, когда с оказией проезжали мимо древней столицы, в которой ему вскоре позволено было жить. Значимым жестом был приезд к А.П. Ермолову А.С. Пушкина, который направлялся в Арзрум.

Многие военные, получавшие назначение на Кавказ, также взяли за обыкновение, проезжая через Москву, поклоняться Иверской иконе Богоматери и прибывать на поклон к А.П. Ермолову, делая ему визиты [8, с. 49].

А.П. Ермолов и сам не желал соглашаться с несправедливо предначертанной ему участью, и никогда не оставлял кавказской темы: следил по газетам и журналам в русской и иностранной прессе, внимал слухам, переговаривался с очевидцами, выносил оценки всему происходившему на Кавказе.

Постепенно в Кавказской армии сложилось обыкновение апеллировать к А.П. Ермолову как первому авторитету в кавказских делах. К нему в Москву писали бывшие сослуживцы, оставшиеся на службе под началом новых кавказских начальников, а часть вновь отставленных начальников находили в нем внимательного, хотя и саркастического собеседника.

Новая эпоха в его жизни открылась после того, как наместником на Кавказ был назначен его старинный товарищ – граф, а после 1845 г. – князь, М.С. Воронцов, который писал А.П. Ермолову по этому случаю: «Ты, верно, удивился, когда узнал о моем назначении на Кавказ. Я так же удивился, когда мне предложено было это поручение, и не без страха оное принял: ибо мне уже 63-й год, дела там очень много, и край сей, особливо в теперешнем положении, совершенно мне не известен» [6, с.162].

Приняв свое новое назначение, князь М.С. Воронцов не оставил сомнений в своих силах, а потому ему крайне необходимой была поддержка боевого товарища и закаленного кавказца, каким оставался быть генерал-лейтенант А.П. Ермолов.

По дороге на Кавказ М.С. Воронцов специально заезжал в Москву, чтобы увидеться с А.П. Ермоловым, переговорить с ним, получить разъяснения и советы по поводу его нового поприща. Кроме того, М.С. Воронцов просил старого товарища сделать для него выписку из множества кавказских записок, имевшихся в распоряжении генерала Ермолова [6, с.162].

Уже с Кавказа князь М.С. Воронцов писал, адресуясь к А.П. Ермолову: «Все, что ты мне пришлешь <...> все, что ты еще к тому прибавишь, будет принято мною с истинною душевною признательностью» [6, с. 163].

Некоторое время А.П. Ермолов колебался: будет ли из того какой-то прок? Необходимость погружения в текущие проблемы Кавказского края неизбежно разбередили старые душевные раны. Однако князь М.С. Воронцов опроверг все сомнения. Его письма из Грузии взывали и толкали к действию, хотя и косвенно связывая с прежними мыслями, сублимируя прежнее честолюбие в новые формы реализации давно начертанного.

Кавказский наместник присылал подробные письма-отчеты о событиях, об осматриваемых местностях, маршрутах передвижения войск, о принятых распоряжениях, погружая в кавказскую действительность старого вояку, пробуждая прежние чувства и прежние надежды.

Оказалось, что ни глаз, ни разум не утратили остроты, не изменили многими годами его прозорливости, чему подтверждением были слова князя М.С. Воронцова, который в Тифлисе «имел случай видеть всю правду сказанного тобою об некоторых лицах» [6, с.164].

М.С. Воронцов, как демон-искуситель, писал и писал: «Любезный Алексей Петрович, сделай милость не оставляй меня известиями и советами и будь уверен, что я в полной мере ценю всякую строчку и всякое от тебя слово» [6, с. 165].

Отставной генерал-лейтенант А.П. Ермолов колебался и писал другу: «Уже девятнадцатый год, как я удален из вашего края; совершенно изменились обстоятельства, и все для меня до того ново, что я не только не позволяю иметь мнения, но чувствую, что недостаточны и даже несвязны мои понятия; и только держась общих правил, опираясь на десятилетнюю опытность и изучение характера противоборствующих нам народов, я что-нибудь понимаю» [6, с. 172]. Здесь, кажется, отставной генерал несколько лукавил или опасался ошибок, которые при его никогда не остывавшем честолюбии для него были недопустимы.

Князь М.С. Воронцов первое время шел осторожно по предначертанной ему новым поприщем дороге, опасаясь потерпеть поражение и не оправдать ожиданий доверившегося ему императора Николая I, а потому нуждался в твердой руке проверенного и многоопытного в кавказских делах товарища.

Это особенно стало очевидным при реализации плана Даргинской экспедиции летом 1845 г. И, хотя М.С. Воронцов, сам известный администратор и генерал, принимал всю ответственность на себя, ему хотелось увериться в правильности путей реализуемого им через посредство оценок и заключений глаз и ума А.П. Ермолова.

Князь М.С. Воронцов избрал Алексея Петровича своим поверенным и закулисным советчиком во всех своих

военно-политических и административных действиях, и это продолжалось на протяжении всего срока пребывания его наместником на Кавказе.

Польщенный доверием старого товарища и с тайной мыслью направлять его к реализации своих бывших проектов, А.П. Ермолов снова преисполнился уверенности, силы и готовности неустанно трудиться. Он адресовался к князю М.С. Воронцову: «Ты один, почтенный князь Михаил Семенович, побуждаемый чувством справедливости, хотел приписать мне проложение дорог и присвоил мне мысль истребления лесов. Этого никто другой признать не смел» [6, с. 183].

А.П. Ермолов сделал свой выбор и был захвачен представившейся ему возможностью снова сделаться кавказцем. Он просил князя М.С. Воронцова распорядиться насчет военных карт, которые ему были необходимы для понимания оперативной обстановки в театрах военных противостояний с горцами, а также для оценки планируемых российской стороной действий [5, с. 193].

М.С. Воронцов предложил присылать ему сведения также и по гражданским делам. Более того, князь-наместник поручил начальнику своей канцелярии С.В. Сафонову держать А.П. Ермолова в известности, чтобы ему было более знакомо все, что было сделано, а также переслать в Москву даже копию отчета императору за первый год своего управления Кавказом [6, с.196].

В письме к другу наместник сообщал: «Я велю начать делать для тебя записку для отсылки, по крайней мере, два раза в месяц о всем, что здесь делается» [6, с.196], таким образом отстав-

ной генерал-лейтенант получал отчетов с Кавказа больше и чаще, нежели император.

Кавказский наместник видел в А.П. Ермолове деятельного помощника, чье негласное участие много способствовало его успешным предприятиям, а потому был с ним предельно доверительным и откровенным.

Князь М.С. Воронцов писал с Кавказа: «Насчет военных дел и прочего я не могу лучше доказать тебе решительное мое желание, чтобы все тебе было известно о здешнем крае, как тем, что пошлю тебе с князем Кочубеем <...> весьма секретную бумагу в копии той, которую я <...> отправил Государю на счет всех военных действий текущего г., предположений моих на будущее и нашего военного положения здесь вообще. Я прошу тебя <...> и уверен, что ты почувствуешь необходимость этого, чтобы эта бумага никому не была показана, и чтобы никто не знал, что она в таком виде тебе посылается» [6, с. 199].

Такая доверительность дорогого стоила. Князь М.С. Воронцов сильно рисковал, если бы вдруг открылась его связь с опальным отставником. Кроме того, ему грозило обвинение в разглашении государственной тайны. Можно предположить, что такая доверительность далеко выходила и за дружеские связи и основывалась на заинтересованности в советчике-профессионале по всему спектру военно-политических задач и административных решений. В оценках и советах А.П. Ермолова князь-наместник искал доказательств и подтверждения правильности собственных распоряжений.

Князь М.С. Воронцов на опыте сношений с А.П. Ермоловым в продолже-

ние нескольких лет своего кавказского поприща получил подтверждение глубокой продуманности его заключений. Потому писал А.П. Ермолову, что «твое письмо, где ты говоришь о Казикумухском Койсу, как о натуральной нашей границе здесь, доказывает мне теперь, сколь ты лучше судил и судишь о здешнем крае, нежели все главные начальники, которые в течение 20 лет после тебя здесь управляли и воевали <...>» [6, с. 208].

Далее князь М.С. Воронцов добавлял: «Я радуюсь, видя, что предположения мои для охранения края и ослабления неприятеля согласны с твоими видами: ты один из здешних бывших начальников видишь дела Дагестанские совершенно так, как они мне показались по близкому знакомству с сим единственным в свете краем» [6, с. 211].

Добиваясь секретности в своих сношениях с А.П. Ермоловым, князь М.С. Воронцов просил его: «Сделай милость, напиши мне откровенно о всех твоих мыслях и мнениях на счет этого рапорта; но некоторые вещи не пиши по почте и также не говори, что ты читал такую-то бумагу <...>» [6, с. 200].

В продолжение многих лет не было ни одного сколько-нибудь существенного события или решения в Кавказском крае, которые оставались без мнения и участия в них косвенной руки А.П. Ермолова. А потому сильное сожаление вызвало в отставном генерале вынужденное оставление Кавказского края князем М.С. Воронцовым весной 1854 г.

Незадолго до этого, обеспокоенный непредвиденным развитием событий, А.П. Ермолов писал своему товарищу:

«Разные неприятные были слухи насчет твоего здоровья, и скорый проезд здесь твоего князя (Семена Михайловича Воронцова – С.Л.) умножил опасения» [5, с. 261].

Князь М.С. Воронцов не мог успокоить своего долговременного соратника и отвечал обеспокоенному А.П. Ермолову, что «<...> так истощен в силах, что служить мне невозможно <...> и я должен был решиться на увольнение от службы, которую, как я выше сказал, я уже не могу продолжать с честью для себя и с пользой для края» [7, с. 468].

М.С. Воронцов хорошо понимал, что означало это его решение для А.П. Ермолова, а потому, как бы прося его простить его нежеланную слабость, замечал: «<...> я надеюсь, что ты поймешь мои причины и не будешь меня хулить за то, что я сделал. Совесть моя чиста во всем <...>» [7, с. 470].

А.П. Ермолов за почти десятилетнее время воронцовского наместничества (1845-1854 гг.) свыкся со своей новой ролью в кавказских делах, потому повторная отставка вместе с князем М.С. Воронцовым нанесла новый сокрушительный удар по его тайным надеждам. В продолжение этого нового десятилетия своей жизни он снова был кавказским деятелем, хотя и тайным. Кроме того, содействовал многим прежним своим сослуживцам, ходатайствуя о них перед М.С. Воронцовым. Потому новая отставка от кавказских дел была потерей, непосильной даже для такого закаленного бойца и честолюбца, каким продолжал оставаться генерал А.П. Ермолов.

Несмотря на то, что скоро новый кавказский начальник генерал Н.Н. Муравьев (наместник с ноября 1855

г. по март 1856 г.) снова выбрал А.П. Ермолова в качестве авторитетного судьи своего поприща, просил помощи и посредничества в споре с кавказским наследием князя М.С. Воронцова, отставной генерал не пожелал в третий раз поддаваться сладостному искушению участия в кавказских делах. Тому причиной были как немалые лета, причастность к наследию князя М.С. Воронцова, так и опасение новых разочарований.

Отставной генерал-лейтенант А.П. Ермолов не стал вмешиваться и в спор Н.Н. Муравьева с Кавказской армией, не стал поддерживать сторону своего бывшего подчиненного и соратника, но по-прежнему не мог отойти далеко от кавказских дел и не переставал интересоваться ими до самого завершения своего жизненного существования в 1861 г.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. – М.: Росет, 1994. – 592 с.
2. Выходчиков Л.В. Николай I. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 693 [11] с.: ил. – (Жизнь замечат. Людей: Сер. биограф.; Вып. 861).
3. Гордин Я.А. Кавказ: Земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. – 464 с.
4. Гордин Я.А. Ермолов. – М.: Молодая гвардия, 2012.-600[8] с.: ил. – (Жизнь замечательных людей: сер. биограф.; вып.1373).
5. Кавказские письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову. Предисловие Я. Гордина. Комментарии, указатель Б.П. Миловинова. – СПб.: ЗАО журнал «Звезда», 2011. – 376 с.
6. Переписка князя М.С. Воронцова с А.П. Ермоловым // Русский архив. 1890. Кн. 2. – С. 161-214.
7. Переписка князя М.С. Воронцова с А.П. Ермоловым // Русский архив. 1890. Кн. 4. – С. 329-472.
8. Полторацкий В.А. Воспоминания // Исторический вестник. – 1893. – Кн. 1. – С. 39-86.
9. Пушкин А.С. Сочинения: В 3 т. Т. 2 / Ред. В. Пересыпкина. – М.: Изд-во «Художественная литература», 1971. – 454 с.